

Малышев, В. И жизнь, и скорбь, и смерть пророка : [Достоевский предсказал даже коронавирус] / В. Малышев. – Текст : непосредственный // Литературная газета. – 2020. – 25 нояб. – 1 дек. (№ 47). – С. 15. – (Невский проспект).

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

И жизнь, и скорбь, и смерть пророка

Достоевский предсказал даже коронавирус

Фёдор Достоевский, как известно, был не только великим писателем, но и пророком. Он с величайшей прозорливостью, точностью и с ужасными деталями предсказал практически всё, что случилось с нашей страной: появление терроризма, кровавую революцию, трагическую войну, которая перевернёт Россию, предательство России «братскими» народами и даже собственную смерть.

В январе 1881 года Фёдор Михайлович серьёзно заболел. Его жена, проснувшись ночью и увидев, что он не спит, спросила его о самочувствии, на что Достоевский с грустью ответил: «Знаешь, Аня, я уже часа три как не сплю и всё думаю, и только теперь осознал ясно, что я сегодня умру».

Анна Григорьевна стала горячо возражать, но писатель перебил её: «Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие...»

«Это Евангелие, — вспоминает Достоевская, — было подарено Фёдорову Михайловичу в Тобольске (когда он ехал на каторгу) жёнами декабристов... Фёдор Михайлович не расставался с этой святою книгою во все четыре года пребывания в каторжных работах. Впоследствии... он часто, задумав или сомневаясь в чём-либо, открывал наудачу это Евангелие и прочитывал то, что стояло на первой странице (левой от читавшего). И теперь Фёдор Михайлович пожелал проверить свои сомнения по Евангелию. Он сам открыл святую книгу и просил прочесть. Открылось Евангелие от Матфея. Гл. III, ст. II: «Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

«Ты слышишь — «не удерживай», — грустно сказал Фёдор Михайлович, — значит, я умру». Так и получилось, в тот же день он умер.

«Зеркало революции»

Владимир Ильич был, конечно, не прав, назвав «зеркалом русской революции» Толстого. Таким «зеркалом», вне всякого сомнения, был на самом деле Достоевский. Ещё в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых» он поставил главные для всего XX века, да и для нынешнего тоже, вопросы: стоят ли все великие свершения слезинки ребёнка? если Бога нет, всё дозволено? А в романе «Бесы» Достоевский прямо предсказал появление русского терроризма. Герой другого романа, Разумихин, так объяснял невозможность появления социализма в России: «...у них всё потому, что «среда заела» — и ничего больше. Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроит нормально, то разом и все преступления исчезнут, так не для чего будет протестовать и все в один миг станут праведниками. Натура не берётся в расчёт, натура изгоняется, природы не полагается! У них не человечество, развившись исторически живым путём до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь

О. Кандауров.
Фёдор Достоевский

математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути».

«Весь мир будет залит реками крови...»

Ещё в 1877 году, почти за полвека до «Великого Октября», Достоевский в своём «Дневнике писателя» предвещал: «Предвидится страшная, стихийная революция, которая потрясёт все царства мира изменением лика мира сего. Но для этого потребуется сто миллионов голов. Весь мир будет залит реками крови... Бунт начнётся с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в стойла».

Достоевского не послушали, переделали Россию и полмира по проекту, вышедшему из «математической головы» Маркса, и в результате всё это обернулось невиданной в истории катастрофой.

Достоевский не только предсказал революцию, но и убедительно объяснил, чем она обернётся. «Достоевский, — писал Николай Бердяев, — обнаруживает призрачность демократии в революции. Никакой демократии не существует, правит тираническое меньшинство. Но тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на всеобщем принудительном уравнении».

«Тварь я дрожащая или право имею?» — спрашивал в «Преступлении и наказании» Родион Расколь-

ников, убивший для осуществления своих идеалов старуху-процентщицу. Раскольников, правда, потом раскаялся в содеянном, однако чекисты, тоже начавшие убивать «ради идеи», этого сделать не смогли. Как не раскаялись и офицеры СС, также убивавшие во имя теории, вышедшей из другой «математической головы».

Речь о Пушкине

Достоевский сделал и ещё одно великое предсказание. Он указал на величайшее значение Пушкина для России. Хотя в его время куда более популярными были совсем другие литераторы. Произошло это в дни Пушкинского юбилея в Москве. У Достоевского не было ни сильного голоса, ни яркой внешности. На трибуну поднялся небольшого роста, сутулый пожилой человек с бледным измученным лицом. Он заговорил тихо, как будто неуверенно, но постепенно глаза его загорелись, в них засветилась нечеловеческая гипнотическая сила, которая буквально заворожала присутствовавших.

Далее произошло нечто невероятное. Вот как описывает это современник: «Когда Фёдор Михайлович окончил свою речь, то наступила минута молчания, а затем, как бурный поток, прорвался невиданный и неслыханный восторг. Рукоплескания, крики, стук стульями — всё сливалось воедино... Многие плакали, обращаясь к незнакомым соседям с возгласами и приветствиями, многие бросились к эстраде, у её подножия какой-то молодой человек лишился чувств от охватившего его волнения. Почти все были в таком состоянии, что, казалось, пошли бы за оратором по первому его призыву куда угодно. Так, вероятно, в далёкое время умел подействовать на собравшуюся толпу Савонарола».

— Пророк! Вот пророк! — вихрем пронеслось по залу.

Так юбилей Пушкина превратился в день коронации Достоевского и его новых пророчеств. Аксаков вообще отказался выступать после него, заявив, что ему уже нечего больше сказать. Сам Достоевский вспоминал: «Тургенев... бросился меня обнимать со слезами, Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. «Вы гений, вы более чем гений!» — говорили они мне оба».

Но Достоевский говорил в своей речи не только о Пушкине, а о любви, о братской любви и примирении. Он призывал всех русских людей покаяться и объединиться. «Нам надо быть русскими и гордиться этим». «Но, чтобы стать настоящим русским, надо быть братом всех людей». Ибо назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское, всемирное. «О, народы Европы, они не знают, как они нам дороги!»

«Братушки» вместе с Гитлером

Сбылись пророчества Достоевского и по поводу возможного развития отношений с освобождаемыми русским оружием народами, которые, как он был уверен, оплатят Рос-

сии самой чёрной неблагодарностью. «...По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — писал он, — не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными!.. Начнут они непременно с того, что... объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от восторженности России они едва спаслись...»

Разве не так повели себя болгары, которых Россия кровью русских солдат освободила от турецкого ига? В Первой и во Второй мировых войнах болгарские «братушки» были на стороне Германии. А Украина, которая стала бы колонией Гитлера, если советская армия не разгромила бы фашизм? Сегодня там называют русских врагами. А те белорусы, которые выходят сегодня на митинги в Минске, заявляя о своём стремлении уйти в объятия Запада, который веками считал славян людьми второго сорта? Такое их поведение было в точности предсказано Достоевским. Даже сербы, ради спасения которых Россия вступила в губительную для себя мировую войну, сейчас пытаются усидеть на двух стульях. А Черногория, где живут те же сербы, уже вообще вступила в НАТО!

Предсказание пандемии

Предсказал Достоевский даже нынешнюю пандемию, которая, как он считал, будет послана человечеству, отказавшемуся от Бога во имя личных свобод и удовольствий. Об этом говорится в пророческом сне Раскольникова на каторге. «Ему грезились в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвы, идущей из глубин Азии (не хватало только, чтобы он назвал Ухань! — Прим. авт.) на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей...»

И вот как описывает Достоевский то, что ещё, быть может, только ждёт нас: «Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало...» Не начало ли этого видится в нынешних бунтах в США?

Признавал ли сам Достоевский свой необычайный пророческий дар? Как свидетельствуют современники, он любил цитировать эти строки Огарёва:

*Порой среди ночного бденья,
Глухого полный вдохновенья,
Я в старой Библии задал
И только жаждал и мечтал,
Чтоб вышли мне по воле рока —
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.*

Владимир Малышев